

Виталий Листраткин

КНИГА ИСКУШЕНИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Листраткин
Книга Испытаний

«Автор»

2026

Листраткин В.

Книга Испытаний / В. Листраткин — «Автор», 2026

Два грабителя узнают про новое богатое захоронение склеп цыганского барона Михаила Оглы. Воры проникают в гробницу, где непрошенных гостей посещают мистические видения. Ленин, Ходорковский, Чебурашка, писатель Минаев и другие невероятные образы решают вечный вопрос добра и зла. Книга содержит нецензурную лексику.

© Листраткин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КНИГА ИСПЫТАНИЙ	5
Гости на кладбище	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виталий Листраткин

Книга Испытаний

КНИГА ИСПЫТАНИЙ

*Автор выражает благодарность В. Путину, В. Пелевину,
С. Минаеву, М. Булгакову, М. Ходорковскому,
И. Ильфу, Е. Петрову, А. Чехову, А. Пушкину
и прочим замечательным личностям
Государства Российского, без которых
книга сия была невозможна.*

Гости на кладбище

Третий час ночи. Сквозь забор пробирались двое: первый – коренастый, широкий в плечах, второй – высокий худой как жердь, с болтающимися руками. Коренастый проскользнул без проблем, а второй зацепился за какие-то склянки, споткнулся и чуть не упал.

Первый обернулся к растяпе и зло прошипел:

– Слышь, ты! Археолог! Потихе! Не на прогулке!

– Страшно! – шепотом пожаловался худой. – Видишь, как колбасит!

И тут же заискивающе:

– Гвоздь, можно похмелюсь? Все легче будет.

Коренастый оценил трясущиеся руки коллеги. Достал сигарету, закурил, аккуратно прикрывая огонь широкими ладонями. И потом быстро извлек из кармана «чекушку».

– Пей, сука!

Ничуть не обидевшись, дылда жадно схватил сосуд, свернул пробку и одним глотком высосал половину бутылку. Отмяк, выдохнул, прослезился...

– Гвоздь! – с чувством произнес он. – Ты – человек! В натуре тебе говорю! Типа, спас и все такое...

Гвоздь зорко бдел по сторонам, покуда коллега приканчивал бутылочку. Тот, выбросив тару в кусты, перекрестился, забормотал:

– Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная...

– Что ты сказал? – подозрительно переспросил коренастый.

– Кондак, глас восьмой, – бодро ответил похмелившийся.

– Ну-ну... – ответил Гвоздь и втоптал окурок в землю. – Идем. Работать надо.

За забором царил абсолютная тишина. Гвоздь не боялся мёртвых – бояться кладбища может только идиот. Чего тут запредельного? Все умерли, лежат себе отдыхают от земных скорбей, через одного родня. Не обидят.

Коренастый уверенно огибал оградки могил, его напарник, слегка пошатываясь, следовал за ним. Гвоздь совершенно точно знал, что делает: это только принято считать, что после смерти человеком интересуются лишь похоронные организации. Но могильщики далеко не единственные, кто извлекают выгоду из усопших. Помимо своры мелких кладбищенских воров, крадущих цветы, венки и еду с погоста, всегда существовал клан, живущий за счет мертвецов – это гробокопатели. Гвоздь и худой принадлежали именно этой касте.

Озираясь по сторонам, злодейская парочка вошла на цыганскую часть кладбища, где вместо могил стояли солидные склепы. Они были здесь не впервые и великолепно ориентировались на местности.

На бизнес со склепами Гвоздя случайно навел Археолог. Бывший научный работник пробавлялся в летнем баре кружкой мутного пива, рассказывая случайным собеседникам о своих археологических изысканиях. Гвоздь перекусывал рядом и поневоле прислушался к разговору.

– А знаете, как проходят похороны цыганских баронов? Своих высокопоставленных покойников цыгане хоронят в склепах. Похороны проходят с танцами, музыкой и вином. Душа усопшего должна видеть не слезы, а веселые улыбки родственников. В процессии участвуют несколько десятков человек и каждый «прощает» умершего, чтобы тот мог спокойно войти в мир иной. А чтобы ему ловчее было переходить в загробное царство, ему кладут в гроб деньги, сигареты, выпивку, драгоценности всякие... И все одному покойнику, прикинь?

Гвоздь мигом оттеснил собутыльников знатока могил в сторону, и без лишних церемоний поставил перед ним бутылку водки. Тот немного удивился, но возражать не стал.

– Так что дальше? С баронами-то?

– Дальше? – дылда щедро плеснул водки в свою кружку пива, зажмурился и выхлебал до дна адскую смесь. Открыл глаза и выдохнул.

– Дальше склеп запечатывают, семья переодевается в траур и типа скорбит об умершем...

– Ты-то откуда все это знаешь?

Он гордо вскинул пьяную физиономию:

– Ты! Ты кто такой?

Гвоздь промолчал.

– А я? Кто я? Да я, блин, археолог! Кад... Кант.. Кандидат наук!

В этот момент Гвоздь решил взять начитанного пьяницу в долю. И потом не пожалел: Археолог был действительно разносторонне образован, а в качестве оплаты за труды довольствовался скромным кровом и выпивкой...

Остановились у одной из могил. Кажется, пришли. Захоронение выглядело свежим и монументально роскошным. Склеп был огромен, судя по размерам бетонной плиты.

– Похоже, – шепнул Археолог. – Он туда свой джип спрятал.

Коренастый хмыкнул. Он не любил возиться с транспортом, предпочитая менее громоздкие ценности. Деловито сбросил на землю большой мешок с инструментами и принялся осматривать гробницу. Дылду бил озноб – организму требовался допинг. Он нервно переминался с ноги на ногу и бормотал:

– Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй. Сокровище благих и жизни Подателю, приди и вселися в нас, и очисти нас от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша...

– Заткнись! – прошипел Гвоздь. – Алкаш блаженный...

Тот замолчал. Он давно привык с подобным обращением своего шефа.

Окончив осмотр, главарь приказал:

– Вскрывать «избушку» будем так: собьем бетонную стяжку с краев, сделаем подкопы и поставим домкраты по углам плиты. Потом поднимем ее до такого уровня, чтобы мы могли попасть внутрь. Усёк?

Дылда кивнул и взял кайло в руки. Окурок полетел в темноту. Оба принялись за работу. Через полчаса бетонная стяжка была отбита.

Коренастый главарь ловко подкопал землю и установил домкраты – эту операцию он доверял только себе. Докрутил подъем плиты на полметра вверх – сквозь образовавшуюся щель уже можно было пробраться внутрь.

– Лезь! – мрачно приказал он Археологу.

– Почему я всегда первый? – заерепенился тот.

– Лезь, кому сказал! – сжал кулаки Гвоздь.

Дылда полез внутрь. Когда ноги его исчезли, из склепа послышался глухой стук. Потом вспыхнул свет фонаря. Через мгновение донеслось:

– Твою мать! Мы сорвали куш!

Гвоздь нырнул внутрь. Мягко приземлился, огляделся. Действительно, фамильный склеп цыганского барона был отделан по последнему слову времени: стены выложены дорогой плиткой, внутри склепа было много дорогостоящей аппаратуры и даже мини-бар, под завязку набитый экзотическим спиртным.

Сам покойник лежал в стеклянном саркофаге, установленном на бетонном постаменте. Осторожно сняли крышку гроба и аккуратно, чтобы не разбить, прислонили к постаменту.

Окладистая борода барона седой пушистой волной струилась по великолепному серому костюму. На сложенных вместе ладонях выделялись печатка с семью бриллиантами и массивный золотой браслет. Глаза усопшего были умиротворенно закрыты.

– Слушай, Гвоздь... А как его звали при жизни?

– Кого?
– Ну цыгана этого...
– Михаил Оглы. А что?
– Ничего. Давай быстрее с ним закончим.
– Тогда обыщи его, – приказал Гвоздь. – Снимай с него все побрякушки, которые найдешь. Да смотри, не жадничай! Бери только самое ценное. Жадность – смертный грех, слышал об этом?

Археолог кивнул.

– То-то... А я пока по склепу остальные шмотки соберу... Интересно, что тут вообще есть – цыган-то, говорят, при жизни был весьма непростым человеком...

– В смысле?

– Пятнадцать лет назад Михаил Оглы Мудзагов, он же Цыган, Барон и Лохматый, промышлял тем, что от имени МВД крышевал около двухсот «коммерсов», а милиционеры выполняли его приказы. И никому из них в голову не пришло, что Барон вовсе не сотрудник ГУБОПа. Барон был тонким психологом и действовал по отлаженной схеме: приходил в офис к бизнесменам, показывал ксиву и говорил, что, мол, на них готовится наезд бандитов, а он может помочь. Ему платили даже тогда, когда по городу поползли слухи о его поддельном удостоверении.

– Хитрый мужик!

– А то. Особенно Барон достал столичных сутенеров – приезжал на «точку» и требовал отстегнуть нужную сумму. Если кто-то не соглашался, вызывал наряд и доставлял сутенеров и шлюх в отделение милиции. При виде этого «сотрудника ГУБОПа» ментов буквально трясло – так он их зашугал. И никто ни разу не удосужился позвонить, проверить, служит ли у них майор Мудзагов.

– Почему?

– У него фантастическая интуиция. Говорят, просто дьявольская – прямо нечистая сила какая-то...

Брат Отходняк

*Алчность, жадность (греч. *filarguria*) —
необоримая жажда приобретательства.*

К полумраку глаза привыкали постепенно. Посередине склепа, который, похоже, кондиционировался, стоял просторный саркофаг. Гроб был ярко освещен, отблеск от него падал на огромную дверь, стилизованную под ребристую гранату, вмурованную в бетонную стену. Вместо дверной ручки – блестящая предохранительная скоба. Похоже, архитектор помещения фанател экзотикой стран Латинской Америки.

На стене висел «иконостас» политических деятелей: портреты Фиделя Кастро, Бен Ладена, Шамиля Басаева, Салмана Радуева и еще каких-то героев террора.

Я вздрогнул, когда из темноты неожиданно шагнул мужчина. На вид ему было около сорока, высокий лоб, глаза крохотные, злые, бодро торчала острая борода. В его гардеробе отметил некоторую странность: куртка из турецкой кожи, сиреневый галстук, между пуговицами пикейного жилета он держал правую ладонь. Незнакомец стоял в лучах ламп, спрятанных вверху, и выглядел не то чтобы живым, но и не мёртвым.

Я осторожно кашлянул. Звук эхом метнулся по углам. Он молча разглядывал, как я достаю сигарету и лезу в карман за зажигалкой. Одновременно с первой затяжкой мужик оглушительно чихнул.

– Блядь! – энергично выругался он, вытирая клетчатым платочком обильные сопли. – Ну почему каждый мудака считает за правило курить в моём мавзолее?

Сигарета упала на пол, я незаметно «придушил» её ногой. Незнакомец подошёл ближе и внимательно посмотрел в глаза.

– Понятно, – усмехнулся он. – Что жрали сегодня, батенька? ЛСД либо амфетамины?

– Грибы, – не стал скрывать я и на всякий случай уточнил. – Псилосцибы.

Он откинул голову назад и оглушительно расхохотался. Его зубам мог позавидовать любой стоматолог, практикующий технологию отбеливания ZOOM.

– Псилосцибы! – ржал он. – То-то смотрю, ощущения какие-то необычные! Вообще-то эта хрень не по моей части – по ним Че Гевара рубит. Этот чемпион по продаже футболок, по грибам да по мескалину шибко специалист. Я-то обычно по ганджубасу тезисы выдаю, хе-хе!

Его снисходительный тон стал немного раздражать:

– Что такого смешного в грибах, а? Вы вообще кто?

– Ленин, – сухо представился мужчина. – Владимир Ильич. А вас как звать-величать?

– Стёпа.

– Прибыли к нам из Константинополя? – поинтересовался вождь всея пролетариата. – С какой, позвольте, осведомиться целью? Разлагать революцию чуждой нам буржуазной гнильцой? А?

Он щёлкнул пальцами. Из темноты неслышно шагнули двое матросов в развратно широких штанах, с длинными винтовками. Дорожки на истерзанных венах революционеров выдавали приверженность к инъекциям морфина. Один из матросов наклонился ко мне, обдав невыносимым трупным запахом. На его руках были видны следы запекшейся крови.

Профессиональный обыск выявил мою контрреволюционность, а точнее, два револьвера, которые оказались в карманах по чистой случайности. Моряки недавно ширнулись, возможно этим объяснялось то, что меня не пристрелили тут же.

Ленин приблизился вплотную, компенсируя разницу в росте злобой налитых кровью глаз. Я некоторое время смотрел ему в зрачки, затем не выдержал, и отвел взгляд.

«Вот и пиздец тебе, Стёпа, – грустно подумалось мне».

– Ты что не понял, кто я?

От напряжения с висков потекли крупные капли пота.

– Ладно, не парься, сам скажу, – смиростивился Владимир Ильич. – Короче, я – твой приход.

– В смысле?

– В смысле – от грибов, которых ты давеча нажрался.

– Это чё? Я в кайф так попал?

– Но-но! – сурово поправил Ленин. – Ты не путай мокрое с тёплым! Все совсем не так – ты не можешь попасть в кайф, только кайф может попасть в тебя. Вот ты, собственно, туда и угодил.

– Это как? – не понял я.

– Представь себе, что ты плаваешь в огромном море сказочного наслаждения.

– Ну.

– Но между морем и тобой находится пузырь из чёрной толстой резины. Ты как будто делаешь маленькую дырочку в этой резине и к тебе внутрь попадает тоненькая струйка кайфа. И ты балдеешь.

В голову пришла смелая мысль:

– А если эту резину вообще убрать? А?

Он усмехнулся:

– Только пока между морем кайфа и тобой есть эта резина, ты понимаешь, что это кайф. А как только препон не будет – ты станешь частью этого моря. А в этом, поверь мне, нет ничего привлекательного. Алчность – очень плохо. Смертный грех, понял?

Я не нашелся что ответить.

– Кстати, батенька, – продолжал Ленин. – Нескромный вопрос, а какое нынче время? Нет, просто интересно.

– Третье тысячелетие на дворе.

– И кто всех победил? Я имею в виду вселенский масштаб.

– Деньги.

– Невероятно!

Ленин зашагал вокруг саркофага:

– Товарищ! А давайте дунем по ганджубасу! Чертовски хочется курить!

– Мы же в мавзолее, Владимир Ильич...

– Пустяки! У меня есть план.

– ГОЭЛРО?

– И он тоже.

Ильич достал из кармана куртку портсигар, забытый «беломоринами». Первым проглотил клуб горького дыма и передал мне папиросу. От первой затяжки никогда не жду каких-то особенных чудес: у меня свой критерий опьянения, чем-то похожий на удар лопатой по затылку, только без боли и крови. Даже представляю этого насквозь прокуренного типа с темными волосами, скрученными в тонкие «дрэдды», как он замахивается, разбегается и глушит по голове совковой металлической лопатой. Качество прихода зависит от силы замаха чувака, толщины лопаты, разбега и еще некоторых факторов.

– Кстати, кто там после меня руководил государством?

– Сталин.

– Этот мудака? Не может быть!

– Полстраны перестрелял, Владимир Ильич...

– Гхм.. Вот как? Ну ладно...

Неожиданно в дверь склепа постучали. Стук был громкий и гулкий.

– Кто там? – тревожно спросил я.

– Как кто? – ухмыльнулся Ильич. – Брат мой, Отходяк. Встречать будешь?

Я кивнул.

– Точно? Ты уверен, что не хочешь остаться тут, в моём мире? – переспросил Ленин и вздохнул. – Жаль, мне будет тебя не хватать... Но препятствовать не могу – это твой выбор. Входи, Лебёдкин!

Дверь распахнулась. На пороге появился человек в чине капитана госбезопасности. На голове была фуражка с высокой тульей, что делало его похожим на профессионального офицера времен третьего Рейха. От него резко пахло луком.

«Эсэсовец» аккуратно закрыл за собой дверь и оттеснил меня к саркофагу:

– Ты, что ли, отходить собрался?

– Яволь!

– Ты это... Не остри особо. Дело-то серьезное. А ты, судя по всему, элемент неблагондёжный, – сказал капитан, и его лицо побагровело. Затем он, демонстрируя всю классовую ненависть к «неблагондёжным элементам», заорал:

– Сядь к столу!

Тут возле саркофага я увидел дубовый стол. На нем лежала пухлая пачка бумаг, а сверху документ: «Мандат. Выдан тов. Бабаясину на право реквизиции девушек от 16 до 25 лет, удо-

стоверяется подписью и печатью. Командир роты...» Подпись на «мандате» была неразборчива.

Владимир Ильич быстро писал какую-то бумагу. Закончив, снабдил её заливчатой подписью, достал из ящика стола печать, жарко дыхнул на нее, тиснул фиолетовое клеймо и протянул мне документ.

– Мандат поможет выбраться из этого мира. Лебёдкин проведёт через патрули. Но если еще раз попадешься – хана тебе, Стёпа. Оставляю в мавзолее навечно... Понял?

Я ошеломленно кивнул, и в ту же секунду дверь склепа отворилась, явив плотный поток ослепительно белого света. Он ждал меня...

...Очнувшись от пощечин. Надо мной зависли три небритых физиономии. На одной из харь были здоровенные очки, в линзах я увидел свое отражение ярко-желтого цвета.

Троица, облаченная в белые халаты и вооруженная стетоскопами, негромко переговаривалась.

– Промывание желудка делали? Обезболивающее, жаропонижающее давали?..

После короткого консилиума медики пришли к мнению, что мое состояние прогрессивно ухудшается и необходима срочная госпитализация. Пока готовили носилки, я тихо спросил у одного из докторов:

– Что со мной случилось?

– Траванулся ты, друг, короче... – ухмыльнулся бодрый лысый толстячок. – Паленой водкой или коньяком. У нас вся лаборатория этой бодягой завалена. По всем показателям – обычный этанол, почти всегда денатурированный диэтилфталатом. Один раз хроматограф выдал наличие в образце метоксифенил-оксим. Да и то в мизере – три на десять в минус третьей процента объема. Короче, все показатели, как обычно. Но народ или сразу мрет, или сначала желтеет, а потом мрет. И не с больших доз, а с обычных. Печени, короче, каюк, понимаешь?

– Нет, – ответил я, с изумлением читая надпись на его бэдже, – «ординатор Лебёдкин».

– Вот и молодец, – хохотнул толстячок, прикуривая сигарету. – А потом, ты походу, ещё и каннабисом догнал... Пожадничал, короче. А это нехорошо – жадничать-то. Смертный грех. Понял меня, нет?

Я вздохнул и закрыл глаза. Разумеется, всё понял.

Боги гармонии

Воры увлечённо потрошили каменные покои. Там было чем поживиться: огромный японский телевизор, цифровой проигрыватель, мощные колонки, роскошный ноутбук и несколько мобильных телефонов. Телевизор Гвоздь решил не брать – слишком громоздко. Все остальное аккуратно упаковал в пластиковые пакеты.

Археолог, тем временем, брезгливо ощупывал труп, беспрестанно крестился и бормотал:

– Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, именем Твоего ради...

И вдруг неожиданно спросил:

– Гвоздь, ты веришь в Бога?

Тот обернулся, удивленно посмотрел на Археолога:

– Конечно. Я же не моджахед какой.

– И как ты себе представляешь Бога?

Гвоздя этот вопрос застал врасплох.

– Ну Бог... Это такой... Короче... Сверху смотрит за порядком, чтобы все, значит, правильно было, по-человечески... И за каждым, в общем, наблюдает по жизни...

Археолог ухмыльнулся:

– То есть Бог у тебя вроде министра внутренних дел? И как он, по-твоему должен, «за каждым наблюдать»? Что, у каждого гражданина планеты свой датчик в заднице, да?

Коренастый главварь промолчал.

– Представь, что стоишь на крыше шестнадцатизэтажного здания, – продолжал тощий. – Какими ты видишь людей? Маленькие такие, да? А представь, как они выглядят с еще большей высоты, из вертолета?

– Букашки, – проронил Гвоздь.

– А из космоса? Из другой галактики? Кто они будут? Атомы?

– Наверное.

– И кого, по-твоему, интересует судьба миллиардов этих атомов? Кому мы нужны, чтобы за нами наблюдать, причем за каждым по отдельности, да еще и вмешиваться в наш земной путь? И это при том, что жизнь каждого отдельного человека в планетарном масштабе – краткий миг из ниоткуда в никуда...

– Что же тогда Бог?

– Бог – это гармония. Видишь ли, Вселенная устроена по определенным законам. Гармония приводит в баланс две чаши: добра и зла, которые неизбежно присутствуют в жизни любого человека. Если ты вписываешься в этот баланс, у тебя все идет хорошо: чаша добра заполняется позитивом, у тебя появляется нормальная работа, деньги, рождаются дети, потом ты нянчишь внуков и умираешь с чувством успешно выполненной миссии... А в чаше зла присутствуют всякие мелочи, типа досадного пробитого колеса. Но если ты добровольно начинаешь пихать в чашу зла всякие глупости, то очень скоро придут неприятности.

– Это ты сам придумал или подсказал кто?

– Человек всю жизнь идет по пути познания, расширяя границы своего восприятия, как будто фонариком выхватывая истину из крошечной мглы...

– «Фонариком», говоришь... – ухмыльнулся Гвоздь. – Это водкой, что ли?

– Водка – посох на тернистом пути странника, – очень серьезно ответил напарник.

– А как же войны, убийства? Их же тоже верующие совершают. Это что, тоже часть гармонии?

– А ты как думал, – подтвердил Археолог. – Конечно часть. Вообще, существуют два уровня гармонии: внутренняя и внешняя. Для удобства восприятия можешь представить их сферами, где внутренняя гармония – субъективное восприятие мира, она же «гламур», и внешняя гармония – объективная действительность, законы, согласно которым устроен мир. Именно внешнюю гармонию называют дискурсом.

– То есть, дискурс – вечные ценности, а гламур – модная ерунда, которую люди понапридумывали для своего удовольствия?

– Совершенно верно.

– Но кто изначально создал эти законы Вселенной?

– Не знаю, – вздохнул Археолог. – Что есть наш мир? Быть может, мы просто аквариум, который стоит в офисе у какого-нибудь прораба Ебантеева... Просто так, ради забавы... И, вполне может быть, наш аквариум когда-нибудь надоест своему хозяину, и он швырнет его с шестнадцатого этажа вниз... И все, хана Вселенной.

– Ладно. Хорош базарить – дело ждет.

Но молчал доходяга недолго. Через несколько минут опять побеспокоил своего патрона.

– Слушай, Гвоздь... Тут у него какой-то тонкий шланг...

– Какой шланг?

– Не знаю... Под рукав идет...

– Так выдерни его, если мешает... – огрызнулся Гвоздь. – Тупой что ли?

Дылда замолчал, выдернул пластмассовую трубку и содрал массивный золотой браслет с руки покойника. А с другой руки снял настоящий «Ролекс», с пальца – перстень, с шеи – красивую золотую цепь. Из карманов пиджака вытащил пачки долларов.

Ободрав мертвеца, перебрался к бару. Взял из зеркальной стойки бутылку «Джонни Уолкер». Посмотрел на свет. Мутно-красная жидкость сквозь стекло обещала забвение. Достал из бара два хрустальных бокала и весело предложил:

– Сприснем дельце?

Гвоздь неожиданно согласился. Археолог мигом открутил золотистую башку «Уолкеру» и плеснул каждому по сто грамм. Не чокаясь, гробокопатели опрокинули напиток внутрь. Спиртное приятно обожгло горло и уверенно опустилось в желудок. Захорошело...

– Вот за что люблю «Уолкер» из всех сортов виски – самогонкой не шибает, – удовлетворенно произнес дылда. – Поверь, друг, очень неловко приобрести бутылку импортного пойла за полтора косяка, чтобы потом морщиться от омерзительного вкуса. А морщиться надо – организм требует.

– Ты-то откуда знаешь? – вместо закуски Гвоздь прикурил сигарету.

– Хм... Откуда... – поддатый Археолог всегда становился уверенным и разговорчивым. – Ты думаешь, я всегда занимался тем, что грабил чужие могилы? Я когда-то считался ведущим сотрудником нашего института... Шел на докторскую, ежедневно долбался с ней с восьми до восьми. Выходные? У меня их не было. И каждый день похож на другой. Но цель стоило того: тема диссертации была, без ложной скромности, просто гениальная! Грамотно ее раскрыть – и не то, что степень доктора наук, государственная премия была бы в кармане, однозначно! Этот труд автоматически причислил бы меня к рангу маститых ученых, а то и академиков. В общем, я работал как сволочь. Иногда даже думаю, что впал в грех Гордыни, полагая себя самым гениальным и удачливым среди прочих ученых, когда кажется, что ты круче всех и так будет всегда... Возомнил себя Богом, короче. Знаешь, как это бывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.